

процессов воспроизводства представлений о прошлом в медиасреде в эпоху цифровизации. Социально-философский анализ знания об изменяющихся в цифровом обществе формах коллективной памяти необходим для снижения рисков политических кризисов, вызываемых мемориальными войнами и сопровождающихся делигитимацией власти, а также для расширения практических возможностей налаживания диалога властных инстанций и социальных субъектов при реализации политики памяти. Социокультурные процессы играют первостепенную роль в определении способов функционирования коллективной памяти. Цифровизация и медиатизация культуры в современном мире приводят к их изменениям, что влияет на восприятие представлений о прошлом как социальном явлении. Ситуация постправды, когда объективные факты перестают играть сколь бы то ни было важную роль в конструировании общественного мнения, а в обосновании властных решений упор все больше делается на эмоциональность индивидов, накладывает свой отпечаток на коллективную память. Научные исторические данные перестают восприниматься как достоверные, если они начинают противоречить убеждениям индивидов, сформированных цифровой культурой. Новые представления о прошлом начинают конструироваться цифровым способом, что приводит к развитию инструментальной пролиферации в политике памяти и необходимости активного использования информационных ресурсов в социально-политическом управлении. Таким образом, обращение Д. С. Артамонова к осмыслению социально-философской концепции медиапамяти представляется важным и несет в себе вклад в область социальной и политической философии.

Научная новизна исследования выявляется в основных выводах диссертации. В работе прослеживается установка на интегральную модель коллективной памяти, учитывающую конвергенцию ее видов под влиянием цифровизации коммуникационного пространства. Конструирование представлений о прошлом связывается в диссертации с динамикой медиатизации цифрового общества и трансформациями исторического и политико-правового сознания. Представлена проблематизация современных взглядов на структуру коллективной памяти, которая вписана в логику развития медиасреды в цифровом обществе. Д.С. Артамоновым предложена и обоснована новая концепция медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования представлений о прошлом в ситуации масштабной цифровизации.

Обосновав методологическую релевантность избранных в качестве основных коммуникационного и конструктивистского подходов, автор осуществляет методологический синтез различных социально-философских подходов, избирая вектором исследования научную рациональность, которая позволила объединить субъект-объектный, субъект-субъектный и объект-объектный подходы при рассмотрении специфики коммуникационных процессов цифровой эпохи. С опорой на анализ методологических подходов к осмыслению коллективной памяти впервые за основу исследования способов

конструирования представлений о прошлом в цифровом обществе взята коммуникационная парадигма изучения социальных коммеморативных практик и методов производства образов прошлого в медиасреде.

Научная новизна диссертационного исследования также состоит в осмыслении роли и значения массмедиа в воспроизводстве и трансляции цифровых нарративов и визуальных образов коллективной памяти. Автором были проанализированы социальные практики воспроизводства образов прошлого, процессы создания цифрового нарратива интернет-пользователями при помощи цифровых технологий и способы его модификации в пространстве медиа.

В работе представлена авторская концепция медиатизации коллективной памяти, динамика трансформации которой обусловлена цифровизацией коммуникационного и культурного пространства современного общества. При анализе цифровых средств коммуникации в диссертации выявлены целенаправленно конструируемые пласты образов прошлого, обеспечивающие функционирование медиапамяти. Представлено оригинальное обоснование коммуникационной природы коллективной памяти, воспроизводство которой в цифровом обществе опосредуется медиа. Медиапамять рассматривается как базисная матрица социокультурных практик коммеморации, обеспечивающих существование локальных сообществ в условиях конфликтной мемориальной среды. С позиций авторского подхода исследованы деструктивные формы коммеморативных практик производства цифровых нарративов и визуальных образов прошлого, аккумулированных в медиапамяти. Впервые исследованы процессы медиатизации коллективной памяти в условиях формирования цифровой культуры, а также выявлены важнейшие социокультурные факторы ее мифологизации. Также выявлены новые аспекты визуализации образов прошлого в условиях сетевой коммуникации цифрового общества.

Обоснованность выводов и положений, выносимых на защиту диссертации Д. С. Артамонова определяется обращением к изучению большого объема научных источников (434 наименования), посвященных коллективной памяти, социальной эпистемологии, медиафилософии, социальной мифологии, цифровой культуре, а также разработкой методов анализа, адекватных для решения поставленных задач. Проведенное философское исследование отличается высокой степенью эмпирической и теоретической обоснованности основных тезисов представленной диссертационной работы.

Основные результаты исследования нашли отражение в 70 печатных работах автора, включая 4 монографии, 9 статей, опубликованных в журналах, индексируемых в международных системах цитирования, 17 статей, опубликованных в периодических изданиях, включенных в Перечень ВАК РФ для опубликования результатов научных исследований (из них 16 в изданиях, отнесенных к категории К-1, К-2 и индексируемых RSCI).

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Краткая характеристика основного содержания работы.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения и списка литературы. Она изложена на 356 страницах.

Цели и задачи изложены четко, их логическая связь определяет композиционные особенности структуры работы.

Первая глава посвящена методологическим основаниям социально-философского анализа медиапамяти. Д.С. Артамоновым рассмотрены основные концепции осмысления феномена коллективной памяти в социальной философии. Важным выводом диссертационного исследования является констатация того факта, что большинство философских теорий, включённых в парадигму *memory studies*, предполагали либо коммуникационную, либо информационную природу коллективно разделяемых представлений о прошлом.

В начале главы Д.С. Артамонов обращается к традиции философского осмысления памяти (на примере таких мыслителей, как Платон, Августин Блаженный, Ф. Бэкон, Р. Декарт и Дж. Вико, Ф. Ницше, К. Маркс, В. Беньямин) и замечает, что уже в XIX в. в философских работах всё чаще появляются интерпретации памяти именно в качестве коллективного феномена. Д.С. Артамонов последовательно рассматривает классические подходы социальной теории А. Варбурга, А. Бергсона, Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, позволившие говорить о массовых представлениях о прошлом. Подробно излагается социально-конструктивистский подход к памяти Дж. Г. Мида, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Лумана. Затем автор обращается к теоретикам коммуникационного подхода М. Маклюэну и Ю. Хабермасу, обозначившим коммуникационный характер воспроизводства образов прошлого, чтобы на примере их идей показать, что «коммуникационная парадигма исследования коллективной памяти является наиболее перспективной при ее изучении в современном цифровом обществе, так как социальный характер формирования коллективно разделяемых представлений о прошлом позволяет говорить об определяющем влиянии средств коммуникации на механизмы хранения, воспроизводства и забвения социально-значимой информации» (С. 54).

Далее в фокусе внимания Д.С. Артамонова оказывается проблема медиатизации коллективной памяти в предметном поле социально-философских исследований. Теории коммуникативной и культурной памяти Ю. М. Лотмана и Я. Ассмана, объяснявшие функционирование коллективной памяти в эпохи устной и письменной коммуникации, перестают работать в условиях цифровизации коммуникационного пространства. Автор анализирует советскую традицию исследований социальной памяти на примере работ Я. К. Ребане, В. А. Колеватова, Б. Илизарова и показывает, что она учитывала коммуникационную природу коллективной памяти.

Исследования Дж. Олика, М. Феррариса, Ж. ван Дейка, Дж. Фентресса и К. Уайкема, М. Нейгера, О. Мейерса и Э. Зандберга не позволяют больше игнорировать роль медиа в конструировании представлений о прошлом. Концепция цифровой памяти Дж. Гарде-Хансена, Э. Хоскинса, А. Рединга подвергается автором критике, хотя им и использованы ее основные положения. В частности, в диссертации признается определяющая роль цифровых технологий в воспроизводстве образов прошлого, однако, как полагает Д.С. Артамонов, концепция «digital memory» рассматривает процессы создания, хранения и забвения информации, охватываемые небольшим периодом недавнего прошлого, и «не учитывает особенности коммуникационного пространства цифровой среды, в котором под влиянием процесса медиатизации предельно уменьшается или исчезает дистанция между близким и далеким прошлым» (С. 75).

Опираясь на анализ видов коллективной памяти, Д.С. Артамонов пишет об их конвергенции в условиях цифровизации медиа. По его мнению, в цифровую эпоху между коммуникативной, культурной, социальной, исторической и цифровой памятью практически невозможно провести разграничение, так как нельзя уверенно предполагать, какие воспоминания индивида получены им в процессе непосредственного устного общения с другими людьми, какие им взяты из текстов и документов и какое влияние на его память оказали культурные образы, существующие в пространстве медиа. Воспоминания людей цифровой эпохи берутся из медиа и туда же возвращаются (С. 80-81).

Д.С. Артамонов предлагает собственную концепцию медиапамяти как социального феномена цифрового общества, подходящую для описания новой формы коллективной памяти, подвергшейся массовой цифровизации. Под медиапамятью понимается «коммуникационный феномен цифровой среды, вобравший в себя формы памяти, характерные для доцифрового мира: коммуникативную память, культурную память, социальную память и историческую память». (С. 98). Притом возникновение медиапамяти связывается с конвергенцией и трансформацией этих форм под воздействием медиатизации за счет коммуникативности как их общего свойства. Прежние формы коллективной памяти, объединенные посредством цифровизации в медиапамяти, играют роль не только инструментов формирования общественного мнения, но и пополняемого и видоизменяемого хранилища воспоминаний и образов прошлого. Так акторами политики памяти в медиасфере являются и сами интернет-пользователи. Цифровые медиа стимулируют пользователей не только потреблять, но и самостоятельно конструировать представления о прошлом. Благодаря этому медиапамять как часть коммуникационного пространства цифрового общества становится плюралистической, эмоциональной и пластичной. Автор подчеркивает, что цифровым массам как создателям медиапамяти доступны и специальные методы исследования (анализ больших данных, ГИС-технологии и др.), и широкий набор цифровых инструментов, превращающих историческое знание в продукт цифровой-культуры: сетевая литература, интернет-мемы, видео-

контент, видеоигры и др. (С. 91). Конкурирующие интерпретации, в свою очередь, порождают «мемориальные войны» – «процесс противоборства исторических концепций в медиапамяти, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей, связанных с формированием идентичностей и проведением политики памяти, посредством распространения через медиа специально отобранной и подготовленной исторической информации и исторических источников» (С. 96). Все это позволяет Д.С. Артамонову говорить о медиапамяти как коммуникационном механизме конструирования представлений об ушедшей реальности, где медиа не только посредник в передаче воспоминаний, но и один из акторов воспроизводства образов прошлого.

Вторая глава раскрывает соотношение медиапамяти и исторического познания в цифровом мире. Д.С. Артамонов рассматривает появление новых способов познания истории в эпоху цифровизации и то какое влияние это оказывает на воспроизводство представлений о прошлом: «медиапамять подвергает историческое знание определенной селекции, включая в повестку дня актуальную информацию о прошлом, и подвергая забвению то, в чем нет общественной потребности. Также происходит сегментирование исторического знания между различными элементами медиасферы, что выражается в разнообразии интернет-ресурсов исторической тематики, доступных пользователям, принадлежащих к разным целевым аудиториям» (С. 112.) Ключевым концептом для данного исследования является понятие цифрового поворота, которое объединяет ключевые моменты авторского методологического проекта. Цифровой поворот не только открывает новые перспективы в познании прошлого при помощи использования технических средств, но и способствует трансформации исторической эпистемологии в цифровую форму, включая не только научное, но и обыденное (повседневное) знание. Для анализа феномена цифрового поворота и его влияния на исторические эпистемологии Д.С. Артамонов обращается к концепции технонауки философа и социолога Бруно Латура и использует наработки междисциплинарного подхода к исследованию философии науки «СТС» – «STS – Science and Technology Studies» (С. 116-119).

Так как в производстве обыденного исторического знания участвуют массы интернет-пользователей, оно сближается с массовыми представлениями о прошлом до такой степени, что между историческим знанием и исторической памятью становится почти невозможно провести границу. Это сближение составляет характерную особенность медиапамяти в коммуникационном пространстве цифрового общества. Производство исторического знания перестало быть монополией академических историков-профессионалов, за его производство и распространение взялись массы пользователей социальных медиа. Они осуществляют специфический вид социальной активности, который в диссертации получил наименование хисторихакинг – буквально, взлом истории с целью создания исторического контента, отвечающего потребностям, мировоззренческим позициям, эмоциональной вовлеченности и

представлениям о прошлом интернет-пользователей, что соотносится с ситуацией постправды, получившей в диссертации развернутую характеристику. Хисторихакинг возник в западном сегменте научно-популярных цифровых развлечений и обозначает интерактивные исторические квесты с элементами дополненной реальности, а также жанровую историческо-фантастическую литературу, раскрывающую феномен альтернативной истории. В ситуации постправды хисторихакинг оказывается способом удовлетворить потребность интернет-пользователей в эмоциональном, оценочном и структурированном в форме развлечения историческом знании (С. 127-128).

Д.С. Артамонов также последовательно рассматривает основные акторы воспроизводства представлений о прошлом в коммуникационном пространстве, в котором обмен информацией происходит в формате риторической арены, объединяющей лидеров мнений, институализированные организации, СМИ и социальные медиа. В диссертации выдвигается тезис о том, что в цифровом обществе производство исторического знания происходит в рамках социально-эпистемических арен, где встречаются усилия по воспроизводству представлений о прошлом ученых-профессионалов или лидеров мнений, масс интернет-пользователей (умных толп) и цифровых технологий. Д.С. Артамонов замечает, что «устройство социально-эпистемических арен основывается на принципах риторических арен коммуникационного пространства, гражданской науки и подчинена логике медиа» (С. 146). Притом наглядной демонстрацией объединения усилий различных акторов являются проекты цифровой и публичной истории, реализуемые при помощи краудсорсинговых социальных технологий, соотносимых с концепцией гражданской науки. Цифровой историк как «коллективный» ученый и «умные толпы» гражданской исторической науки, по мнению Д.С. Артамонова, стали агентами медиапамяти.

Д. С. Артамонов утверждает, что «историческая наука, существующая в парадигме Digital Humanities, обрела новый объект познания, коллективную память, отказываясь от изучения прошлого как несуществующей реальности в пользу исследования представлений о нем» (С. 146). В диссертации подробно описываются процессы «реабилитации» толпы в социальной философии и показана роль масс в становлении новой солидарности, построенной на цифровом взаимодействии, которая стала основой появления современных цифровых способов воспроизводства представлений о прошлом и коммеморативных практик. Цифровые информационные платформы активно осваиваются интернет-пользователями для производства исторического контента, который становится неотъемлемым элементом медиапамяти, растворяясь в массовом сознании. Важно, что историческая реальность, моделируемая «умными толпами», становится для них близкой и понятной, а сама история перестаёт восприниматься как отвлеченная наука, становясь продуктом их собственного интеллектуального творчества.

Третья глава направлена на исследование конструирования медиапамяти в контексте «демократизации» и цифровизации истории. Автор полагает, что цифровую историю необходимо рассматривать не только как методологический проект исторической науки, но и как науку, изучающую историю цифрового общества, историю создания и применения информационно-компьютерных технологий и их влияния на историю человека и человеческого общества. Цифровая история, по его мнению, выполняет методологическую функцию в практиках познания прошлого и формирования коллективной памяти, а с точки зрения познания социального она связывает коллективное, групповое и индивидуальное в единый проект рационального построения человеческого мира. Автор обращает внимание на то, что кризис традиционной философии истории, породил появление новых направлений исторических исследований: микроистория, интеллектуальная история, *memory studies*, в которых совершенствовались методы исторического познания, но не были предложены новые макроисторические модели прошлого (С. 189). Притом отсутствие общепризнанных макроисторических моделей истории в современной социальной философии и исторической науке Д.С. Артамонов связывает с новой формой воспроизводства представлений о прошлом и концепций исторического развития. Метанарративы создаются через систему гиперссылок «умными толпами» в цифровой среде, поэтому следует говорить о цифровой философии истории, под которой можно понимать теоретическое осмысление истории становления цифрового общества. Принципы цифровой философии истории детерминированы современным этапом развития научной рациональности и могут быть сформулированы в парадигме постнеклассики. Она должна ответить на ряд фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли цифровых технологий в истории человечества и дать новый категориальный аппарат, который позволит адекватно описать реалии современного мира.

Далее Д.С. Артамоновым в третьей главе рассматривается историческая лженаука как медиа явление и социально-эпистемологическая практика. Исторические знания, служащие основой медиапамяти, не являются качественно однородными в силу различных типов познания и данные производящиеся лженаукой занимают среди них особое место. Знание, создаваемое исторической лженаукой – это знание, созданное для масс, на языке масс, представителями масс, в силу чего оно становится частью медиапамяти и влияет на воспроизводство представлений о прошлом. Автор признает, что лженаука как понятие анализа медиапамяти оказывается уязвимым в методологическом отношении, поскольку демаркация науки и лженауки становится возможной лишь с внутринаучной позиции. (С. 195). Однако необходимость критики лженауки обусловлена тем, что в массовом восприятии сама лженаука не идентифицируется в качестве подобной, но остаётся просто наукой, притом её роль в воспроизводстве медиапамяти является фундаментальной в силу того, что лженаука опирается на воображение и медийность, хотя её интеллектуальный продукт остаётся вторичным и манипулятивным и не способен существовать без научного

знания. Д.С. Артамонов описывает и интеллектуальный арсенал лженауки: мимикрия под научный стиль речи, использование трюизмов, погоня за сенсационностью и «белыми пятнами» истории, попытка преподнести собственные теории через призму интриги, использование логических уловок, а также ориентированность на скандал. (С. 202-205).

Д.С. Артамонов диссертационного исследования показывает историческую лженауку как продукт медиасреды, которая, помимо возможности манипулирования общественным мнением, связана и с мифологизацией истории. Мифологизация медиапамяти рассматривается в контексте цифрового поворота. Д.С. Артамонов выдвигает концепцию цифровой мифологии, которая направлена на социально-философское осмысление социального мифа в ситуации масштабной цифровизации. Электронная реальность, включающая такие события, как троллинг, цифровая смерть, цифровые ритуалы, кибернетический анимизм и цифровой траур, осмысляется именно через мифы (С. 213). Мифоэлементы создают и воспроизводят социальные сети и сетевые сообщества, практика личного бренда, культура интернет-мемов и видеоигры. Условием создания цифровых мифов Д.С. Артамонов считает саму возможность визуализации мифообразов и смыслов массовой культуры, мгновенный низовой информационный отклик на происходящие новостные, культурные и политические события (С. 230). В практиках современного мифотворчества угадываются эстетические эксперименты постмодерна, апробированные «умными массами». В диссертации также на примере феномена ностальгии показан переход к цифровой мифологизации исторической реальности, свободно перекраивающей образы прошлого и будущего. Исторический миф в форме метафоры в цифровой среде играет важнейшую роль в конструировании медиапамяти. Подытоживая рассуждения, Д.С. Артамонов замечает, что медиапамять является многоголосым полифоническим целым и «разворачивается силами цифровых медиа от институтов к приватизирующему, обживающему и осваивающему прошлое индивиду», в связи с чем коллективная память приобретает совершенно новую форму «цифрового прошлого» (С. 233).

Четвертая глава содержит проработку механизмов конструирования медиапамяти в цифровой среде в ситуации постправды. Концепт постправды использован Д.С. Артамоновым с целью подчеркнуть основные характерные особенности медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования представлений о прошлом, историческая достоверность для которых не является приоритетным элементом.

Символом постправды являются фейки, ставшие оружием в мемориальных войнах современности. Д.С. Артамонов обращает внимание, что несмотря на то, что слово «фейк», распространившись в интернет-культуре, прочно закрепилось в словаре медиаисследователей, оно ещё не было сформулировано как научный термин. Для того, чтобы прояснить значение исторических фейков, важно проанализировать феномен «фейк ньюс»,

восходящий к понятию «газетной утки». Специфика «фейк ньюс» «обусловлена именно технологией производства информации, укорененной в социальных сетях, и коммуникативной эффективностью». (С. 236-238). Интернет-фейки, однако, не ограничиваются ложными новостями. Д.С. Артамонов делит интернет-фейки на две области: «ложные сообщения», отражающие непосредственно сам контент, и «ложные профили», обозначающие узлы связи. (С. 239). Притом интернет-фейки оказываются сложной системой, включающей ботов и пользователей социальных сетей, вовлеченных в трансжанровые игры с медиатекстом и трансляцию манипулятивного содержания. (С. 240).

Далее в диссертационном исследовании Д.С. Артамонов вводит понятие исторического фейка и показывает, как происходит фальсификация исторических данных в медиасреде, а также их внедрение в структуру медиапамяти. По мнению автора, исторический фейк можно охарактеризовать как интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память исторического знания, искажающего представления об истории (по отношению к научным данным) и содержащего недостоверную информацию (С. 244). В качестве примера исторического фейка Д.С. Артамонов приводит публикацию сообщения о находке и издании «Русского летописца 1649 г.», позиционировавшегося в медиасфере, как первоисточник «Повести временных лет».

Исторический фейк напрямую связан с фальсификацией фактов истории и представлен в современном медиaprостранстве во всех доступных форматах. Одним из таких форматов является интернет-мем, отвечающий за визуализацию образов прошлого в сетевой коммуникации. Д.С. Артамонов отмечает, что «визуализация медиапамяти открывает “окна возможностей” в понимании событий прошлого, появляется бесконечное множество интерпретаций истории, зависящих от семантических значений визуальных образов» (С. 260). Для медиапамяти характерны превалирование эмоциональной и визуальной составляющей над всеми другими элементами репрезентации представления о прошлом в медиасфере. Интернет-мем сочетает в себе яркую эмоциональную реакцию интернет-пользователей на повестку дня и визуальные образы массовой культуры. Д.С. Артамонов использует большую эмпирическую базу и классифицирует интернет-мемы по жанровому и тематическому содержанию, отдельно выделяя исторический интернет-мем в его многообразии и вариациях. Он доказывает, что исторический интернет-мем вписан в структуру симуляции исторической реальности и репрезентует массовые представления пользователей о прошлом. В диссертации дано социально-философское осмысление интернет мема как цифрового инструмента социальной и исторической мифологии, а также описан процесс создания и распространения интернет-мема в социальных медиа. Интернет-мем, полагает Д.С. Артамонов, представляет собой эффективную форму участия интернет-пользователей в создании цифровой культуры, а отражение в нем образов прошлого способствует визуализации медиапамяти, однако при этом он соединяет представления о

прошлом с элементами современной массовой культуры и актуальной повесткой дня.

Также, по мнению Д.С. Артамонова, важнейшим инструментом конструирования медиапамяти являются компьютерные игры, способные создавать воображаемые миры и погружать пользователей в виртуальную историческую реальность. Предложена классификация видеоигр по глубине локального воздействия на коллективную память: игры о далёком прошлом и игры о недавнем прошлом. На материале игровых франшиз «Total war», «Europa Universalis», «Assassin's Creed» и других автор показывает, что игры по средневековой исторической тематике тяготеют к частичному, но детальному воспроизводству социокультурной эпохи, притом позволяют игроку менять ход исторических событий, а значит и «переживать их как собственные» (С. 287). Главным примером второй группы являются видеоигры, посвященные Второй мировой войне. Эти игры не только участвуют в политике памяти, позволяя игрокам получить опыт героизации и ностальгии, но и зачастую оказываются тенденциозными и подверженными «историческому волюнтаризму» (С. 291).

Особое внимание в исследовании делается также на инди-игры, создаваемые самими пользователями, в которых отражены коллективно разделяемые представления о прошлом, сочетаемые с образами массовой культуры. Д.С. Артамонов предлагает рассматривать независимые игры на историческую тематику как один из вариантов практики хисторихакинга. В отличие от студийных проектов, ориентированных на коммерческий успех и потому скорее воспроизводящих устоявшиеся представления о прошлом и ценностную систему целевой аудитории, инди-игры часто основаны на собственных убеждениях их создателей, а также часто отражают события семейной истории и воспоминания. Д.С. Артамонов отмечает, что компьютерные игры обладают колоссальным потенциалом для верного и точного отображения исторических событий, показа материальной и социальной культуры, наиболее полного погружения игрока в атмосферу прошедших веков, но, в то же время, пользователи очень часто обращаются к культуре модификаций и меняют содержание компьютерных игр с целью отражения своих мировоззренческих установок и исторических взглядов. Вольная интерпретация истории и мифов в сочетании со стереотипами массовой культуры создает игровой продукт, оказывающий влияние на медиапамять. Подводя итоги собственных размышлений, Д.С. Артамонов заключает, что «игровые компьютерные миры исторических игр не являются репрезентациями социальной истории, воспроизводя общую логику игр, они представляют собой аллегории мира, переделанного в игровое пространство». (С. 303).

В целом следует отметить, что проведенное Д.С. Артамоновым диссертационное исследование обладает такими теоретическими достижениями, как применение коммуникационного подхода к анализу коллективной памяти, самостоятельную концептуализацию понятия медиапамяти, аналитику социальных медиа в качестве части

коммеморативного пространства, а также расширением конкретных знаний об особенностях медийной российской исторической культуры и политики памяти.

Диссертация выполнена на хорошем стилистическом уровне. Теоретические построения автора обоснованы эмпирически. О большом объеме проделанной работы свидетельствует и весьма обширная библиография. Выводы лаконичны, логичны и самостоятельны.

Теоретическая значимость диссертации заключается в открытии нового направления в социальной философии, изучающего коммуникационные процессы воспроизводства представлений о прошлом в цифровом обществе. Данная работа открывает научную дискуссию о влиянии цифровых технологий на конструирование образов прошлого в общественном сознании. Введение новых терминов, таких как медиапамять, социально-эпистемические арены, хисторихакинг, цифровая мифология, цифровая философия истории, способствует обновлению категориального аппарата социальной философии и углубляет концептуальное содержание теорий, посвященных изучению коллективных форм памяти.

Наряду с указанными выше несомненными научными достижениями, диссертация не лишена недостатков и по её содержанию могут быть выражены следующие замечания, имеющие преимущественно дискуссионный характер:

1. Д.С. Артамонов уделяет много внимания цифровизации представлений о прошлом и на этом основании делает вывод о конвергенции различных форм коллективной памяти. По его мнению, коммуникативная, культурная, социальная память, историческая память сливаются в одно целое, так как между ними становится невозможно провести разграничение в медиасреде. В то же время остается не поясненным вопрос о соотношении данных видов коллективной памяти с медиапамятью. Медиапамять включает в себя все остальные виды коллективной памяти и между ними можно поставить знак равенства или нужно говорить о появлении нового вида коллективной памяти, характерного для цифровизации? Насколько обосновано использование терминов коммуникативная, культурная, социальная память, историческая память в цифровом обществе, как они способствуют социально-философскому осмыслению природы коллективно разделяемых представлений о прошлом?

2. Исторические мифы в медиасреде есть и множатся, однако, автор не прояснил в диссертации своего отношения к мифам, критерии их отличения от научного знания. Д.С. Артамонов проработал характеристику цифровых мифов, но не ответил на вопрос что с ними делать? Бороться с мифами? Навязывать «хорошие» мифы? Выявлять «плохие»? Как отличать одни от других? Как все эти мифы связаны с популяризацией научных знаний об истории? В такой форме вопросы могут показаться наивными, но и в другой, более рафинированной форме они не поставлены, автор по какой-то причине такими проблемами не озадачивается.

3. Рассмотрение конкретных кейсов, связанных с появлением и функционированием в медиасреде представлений о прошлом на историческую тематику, позволило Д.С. Артамонову показать, что массы интернет-пользователей перестали быть молчаливыми потребителями исторической информации и включились в производство знаний о прошлом, что оказывает непосредственное влияние на конструирование коллективной памяти. Включение масс в производство знаний о прошлом – это очень сильный тезис, который требует прояснения. Способствует ли участие масс в производстве исторического контента упразднению исторической науки или возможно говорить только о ее трансформации в новую форму? Также хотелось бы увидеть в диссертации ответ на вопрос, являются ли социально-эпистемологические практики производства исторического знания, о которых пишет Д.С. Артамонов, научными или остаются только «знаниевыми»?

4. При общей полноте и проработанности библиографии диссертационного исследования автор упускает из виду значимые социально-философские работы на эту тему, сохраняющие роль методологического основания её постановки в выбранном соискателем исследовательском дискурсе: В.М. Межуева («Между прошлым и будущим», «История, цивилизация и культура»), Э.Ю. Соловьёва («Прошлое толкует настоящее. Очерки по истории философии и культуры»), Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской («Российские ритмы социальной истории»), В.Г. Федотовой («Модернизация и культура»), работы последних лет, выполненные в этом же методологическом ключе – А.В. Павлова («Постмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время»), В.Н. Шевченко в соавторстве с В.И. Спиридоновой и Р.И. Соколовой («Новая современность» и традиция в многополярном мире: философско-политический анализ», коллективный сборник «Общественный идеал как проблема отечественной философской и политической мысли» и др. работы), почему-то оставшиеся вне внимания диссертанта. При обращении к «цифровой памяти» бесполезной видится работа немецкого медиатеоретика Эрнста Вольфганга «Цифровая память и архив» (Wolfgang E. Digital Memory and the Archive. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013), а при анализе интернет-мемов автор не использует книгу Анастасии Денисовой «Интернет-мемы и общество» (Denisova A. Internet Memes and Society Social, Cultural, and Political Contexts. New York: Routledge, 2019). Работа «Молчание, экран и спектакль», хоть и указана в библиографии исследования, не используется (Silence, Screen, and Spectacle. Rethinking Social Memory in the Age of Information / Ed. by L. A. Freeman, B. Nienass, R. Daniell. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014). Обращаясь к феномену троллинга, автор не использует работу философа Г.И. Чернавина «Философия интернет-тролля. Феномен платных ботов» (Чернавин Г.И. Философия интернет-тролля. Феномен платных ботов. Москва: Рипол-Классик, 2021).

5. Несмотря на богатство эмпирического материала, использованного в диссертации и акценте исследования на анализе отечественной медиапамяти, нам видится важным обратить внимание на то, что в исследовании упускается специфика производства и воспроизводства коллективной памяти в тех или иных социальных платформах, то есть нет различия, в чем исторические нарративы микроблогов «Twitter» отличаются от каналов в сети «Telegram», а те, в свою очередь, от иных социальных сетей. Притом не упоминается такой важный для конструирования исторической и социально-политической цифровой идентичности ресурс, как «Reddit».

6. Одной из исходных посылок автора является утверждение о том, что современная эпоха больше не описывается через понятия с приставкой «пост» за исключением феномена постправды, рассмотренного в диссертации. Более того, автор указывает, что в отсутствие образов будущего, люди вынужденно обращаются к истории и памяти. Эта позиция в безапелляционном духе в начале исследования, видится бездоказательной (С. 3).

7. Анализируя инди-игры, автор отмечает, что многие из них, с одной стороны, представляют модификации студийных проектов, а, с другой стороны, демонстрируют ситуацию, в которой игровые проекты интереснее делать, чем играть в них, поскольку большая часть подобных проектов лишена коммерческого потенциала и мотивирована лишь личным интересом независимых разработчиков. При общей истинности подобного умозаключения, имеет смысл провести четкое разграничение между культурой «моддинга» – созданием фанатского контента, который затем реализуется внутри основной видеоигры, ностальгическими любительскими ремейками тех или иных видеоигр и, наконец, непосредственно созданием инди-игр.

Сформулированные замечания не снимают общую положительную оценку работы и не умаляют научной значимости исследования. В диссертации предложена оригинальная и актуальная для отечественной социальной философии авторская концепция медиапамяти. Автором проделана большая теоретическая работа. Основные положения и выводы диссертации представляются вполне обоснованными и характеризуются высокой степенью новизны и достоверности. Автореферат и опубликованные работы автора полностью отражают результаты проделанного исследования.

Заключение. Диссертация Артамонова Дениса Сергеевича «Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества» является самостоятельным, законченным, квалифицированным исследованием, в котором решается актуальная научная задача.

Диссертация Артамонова Дениса Сергеевича «Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества» соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от

24.09.2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия.

Отзыв подготовлен доктором философских наук, ведущим научным сотрудником сектора социальной философии Института философии РАН Олейниковым Юрием Васильевичем и утверждён на заседании сектора социальной философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии Российской академии наук 9 ноября 2023 г., «Протокол № 9».

Заместитель руководителя
сектора социальной философии
Института философии РАН,
старший научный сотрудник,
к. полит. наук

Канарш Григорий Юрьевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук (Институт философии РАН).

Адрес: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Телефон: (495) 697-91-09.

Факс: (495) 609-93-50.

Сайт: iphras.ru

E-mail: iph@iph.ras.ru

Подпись *Канарша Г. Ю.*
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института
философии РАН *[Signature]*